

нія?“ и отвѣчаетъ, что этихъ причинъ „милліоны“, „милліарды милліардовъ“. Все одинаково причина: „только допустивъ безконечно-малую единицу для наблюденія—дифференціалъ исторіи, т.-е. однородныя влеченія людей,—и достигнувъ искусства интегрировать (брать суммы этихъ безконечно-малыхъ), мы можемъ надѣяться на постигновеніе законовъ исторіи“¹⁾. Но опять-таки сравненіе изъ математики не дѣлается доказательствомъ въ области исторіи. Въ самомъ дѣлѣ. Опредѣленный историческій процессъ—или событіе—будучи раздѣленъ, разбитъ на безконечно-большое количество „однородныхъ“, равносильныхъ факторовъ, на „милліарды причинъ“, даетъ въ результатъ отсутствіе всякаго представленія объ историческомъ законѣрномъ процессѣ. Почти по математической формулѣ $\frac{A}{\infty} = 0$. Да это, собственно, вытекаетъ изъ собственныхъ словъ Толстого „причины эти всѣ—милліарды причинъ—совпали для того, чтобы произвести то, что было. И, слѣдовательно, ничто не было исключительной причиной событія, а событіе должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться“²⁾ Еще категоричнѣе Толстой высказываетъ это въ другомъ мѣстѣ: причинъ историческаго событія нѣтъ и не можетъ быть“³⁾. Это тупикъ, отъ котораго пришелъ бы въ ужасъ любой историкъ, и надо быть такимъ честнымъ мыслителемъ, какъ Толстой, чтобы открыто признать это. „Я знаю только то, что я ничего не знаю“—это говорятъ только Сократы и Толстые. Но послѣдуемъ дальше за Толстымъ. Познать причины историческихъ событій нельзя, надо отказаться отъ этого, разумъ долженъ покорно сдаться и отступить: „чѣмъ болѣе мы стараемся разумно объяснить эти явленія въ исторіи, тѣмъ они становятся для насъ неразумнѣе, непонятнѣе“⁴⁾. Такамъ путемъ мы попадаемъ въ тупикъ фатализма: „фатализмъ въ исторіи неизбѣженъ для объясненія неразумныхъ явленій (то-есть, тѣхъ, разумность которыхъ мы не понимаемъ)“³⁾. Но вѣдь всѣ явленія исторіи съ нашей „слишкомъ человѣческой“ точки зрѣнія неразумны, то-есть, не поддаются нашему пониманію, мало того, если бъ все было разумно въ исторіи, то ничего не произошло бы. Жалкій родъ людской попадаетъ въ какую-то невѣдомую ему стремнину, которая влечетъ его неизвѣстно куда. Разумъ въ отчаяніи, онъ беспомощно мечется изъ стороны въ сторону, но механически-

1) „В. и М.“ Т. III стр. 328.

2) В. и М. т. III. стр. 7.

3) Ibid. т. IV стр. 84.

4) Ibid. т. III стр. 8.